

Александр Гринберг

Рассказы

В этом году вышла в Одессе книга Александра Гринберга «Жизненные истории Александра Розеншнауцера». Наш альманах писал об этой книге в прошлом номере. И тогда же я выразил сожаление, что при жизни мы не встретились, что не публиковали его смешные, нелепые, трагические истории.

Оказалось, что в книгу вошли далеко не все рассказы автора. И один из составителей книги Майя Димерли прислала нам еще пять очень коротких жизненных историй Александра Гринберга.

Е. Г.

Ванькино счастье

Ванька проснулся за рулем Кормилицы с рассветом. Он любил рассветы в поле, запахи поля и острый сивушный запах Кормилицы. Если в бак ей добавлять еще по пару капель сладенького, того, что в бакалее после работы продают, то Кормилица пашет как зверь!

Больше десяти лет как Ванька счастливо устроился в монополию.

Кормилицу немцы к нам еще осенью заслали, не знали, дурые, что осенью-то у нас уже снег, так Ванька ее в заснеженном поле под сугробами по запаху нашел! Он ее и в стойло домой уводил, и сена с соложкой подбрасывал, чтоб все положенное Кормилица ему дома выдавала, а она, дурра, каждый раз отвязывалась и в поле убегала – косить ей, видите ли, не терпелось! А какая же косовица-то зимой?!

Вот приезжий немец удивлялся, как это Ванька так быстро освоился с норовистой Кормилицей, и как может он так хорошо работать, будучи всегда смертельно пьяным?

Ваньку тоже много чего удивляет! Например, почему он убирает здесь у себя на поле, а пшеница напрямик в Германии появляется? И куда солома девается, и на чем это Кормилица работает, если он половину сивухи лично из бака выдувает!

Домой Ванька и не ходит. Всю страду здесь проводит, возле Кормилицы. Смешно как-то смотреть на сельчан, приезжающих каждое утро с тяпками из новых городских квартир и жопами вперед слезающих с грузовика. Чего мотаться, спрашивается, чего надо было землю продавать? И в город чего было переезжать, где работы нету?!

Вот ведь где самое счастье – здесь оно!

Вова Дурак

Вова Дурак, несмотря на свое погоняло, дураком, конечно же, не был. Был он «законным», правильным бандитом и, как сам говорил, «сидел дольше, чем жил»!

Стоило только взглянуть на его лицо с изувеченными базедовой болезнью глазами и вставленными на зоне стальными фиксами.

При этом Вова был очень добрым и справедливым человеком и полным бесребреником.

Рано утром в воскресенье я выскальзывал из дому с сэкономленной из семейного бюджета пятеркой. Вова уже шел ко мне на встречу, жутко улыбаясь своими зубами, пританцовывая и напевая: «Поделись улыбкою своей!..».

Заныканная пятерка делилась на два пластмассовых стаканчика водки и одну конфету «Ромашка», которую Вова железным ногтем честно разрезал пополам. С этого стаканчика он буквально улетал, и тут стоило его послушать.

«Учти, – говорил он, – ты мой лучший друг, делишься последним и никому ничего не должен, да и нет у тебя ни хера!»

Усвоив эту аксиому, я и по ночам чувствовал себя в нашем районе совершенно спокойно. Отработав в молочке вечернее молоко, я ранним утром уходил через центр домой.

Напротив ресторана «Киев» меня встречала огромная черная птица, вроде как ворон, но уж чересчур большая! Птица громкоподобно лаяла на меня, аж гудел весь сквер, а когда я уходил, еще и громко мяукала вслед.

И никогда не каркала!

Как-то птицы на месте не было, и в кармане у меня была сумасшедшая недельная зарплата в 150 рублей, а навстречу мне вышли трое – два больших и третий маленький, толстый.

– Надо бы поделиться! – сказал маленький.

– Ребята, но я уже и так делюсь с Вовой Дураком!

Маленький аж подпрыгнул от злости:

– Ну зачем, – простонал он, – зачем ты выбрал этого идиота? Мог бы иметь дело с приличными людьми! А сколько даешь?

– Ровно столько, сколько просит! – честно, как на духу, сказал я.

– По понятиям, – резюмировал маленький. – И все пропиваете, конечно, – с укором сказал он. – Ну да ладно, свободен! Иди, пей дальше!

В воскресенье утром я, конечно же, наябедничал Вове.

– Пончик, – сказал Вова, – старших не очень уважает, но понятия блюдет! Слушай, я тебя не сильно напрягу, если мы трахнем еще и ту пятерку, которая у тебя на хлеб?

Девона Багрицкий

Девона Багрицкий!

Девона – вообще-то, это значит «одержимый демонами», но в суфизме это очень добродушный, любящий людей шейх, помогающий молодым парам заводить красивых и умных детей!

Я, вообще-то, профессиональный Дед Мороз! Благодаря моим размерам и толщине я с детского сада был неизменным Дедом Морозом во всех группах, а потом уже в школе на всех утренниках, включая и старшекласников.

Работать с большой аудиторией легко – надо выбрать самую маленькую и самую красивую девочку, а уж в чем в чем, а в женской красоте я понимал с детских лет, и работал только для нее! Вот если она довольна – то все получается!

Но вот к концу десятого класса занесло меня в школе на литературный вечер. И поскольку все там что-то нудно и заунывно читали, то я им дал! Для начала нашел маленькую, конечно же, самую красивую и самую большеглазую девочку! Вышел на сцену нашего актового зала (сейчас суки там уже магазин построили!). Присел почему-то, сжал руки в кулаки и как размахался:

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!»
Чтоб звезды обрызгали
Грудю наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...
Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

Чего только руками махал? Может, метель изображал, как у Деда Мороза, но вижу, ей понравилось!

Но каков Багрицкий! Кто ж знал, что это суфийская мантра, и ровно через три года и три месяца держал я уже на руках очаровательный конвертик со своей горячо любимой, самой умной и самой красивой дочерью!

Камамбер

Первый камамбер я сделал – и испугался, такой у него был острый запах и необычный вкус. Наварив два килограмма (!), я вынес все потихоньку на мусорник. Около контейнеров стоял бомж.

– Брат, – говорю я ему, – я тут какую-то херню наварил, попробуй, может, тебе это будет съедобно.

Он поддел мое варево грязным пальцем, облизал его, а потом, довольно хмыкнув, сказал:

– Знаю, такая штука называется камамбером. Я такое ел в Марселе, – потом посмотрел на меня внимательно и добавил: – это во Франции!

Он задержался на полгода из-за ремонта судна в Марселе. Еле-еле вернулся домой без зарплаты. Жена за это время вышла замуж и выселила его. Он потерял визу и за мгновение стал бомжом.

Я периодически выношу ему скисшее в магазине молоко. Камамбер, правда, с его легкой руки уходит полностью.

Третий продотряд

Урожай у нас в этом году был хороший. Областные сразу все прокикали, как мы их ни пытались дурить! Понятно нам было, что продотряд пришлют. В городах-то голодно, особенно в центре, – война! Но и нам свое отдавать не шибко охота!

Продотряды у них сейчас, по военному времени, слабенькие. Двоих таких мы уже приняли! И к сегодняшнему подготовились! Над правлением прошлогодний кумач натянули. В прошлом-то году все сдали, еле-еле семенной фонд себе выцарапали, чуть с голоду не повыздыхали! Ну, теперь вроде как поумнели!

Договорились с Петровичем – ему передние подводы, мне задняя. А у меня на задней, как назло, комсомолочка сидит! Хорошенькая такая! Кожанка, косыночка красная, ножками беленькими болтает – хучь себе на ночь оставляй! Но дело есть дело! Как заговорил у Петровича трофейный максим, так я и шлепнул свою комсомолочку – неудавшуюся свою любовь!

А дальше дело простое! Лошадей разогнали по дворам, телеги туда же. А продотрядников закопали глубоко и известью присыпали!

Область спрашивала потом: «Чо это к вам уже третий продотряд не доходит? Хоть не посылай больше!».

Вот и не посылайте!

